

Т.В. Шмелева*

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ (лексикон и другие)

В русском языке, если полагаться на данные "Сводного словаря современной русской лексики" (М., 1991. Т. I. С. 30, 541), полтора десятка слов с корнем *лекс-*; почти все они, как указывается в "Историко-этимологическом словаре Русского языка" П.Я. Черных (Т. I. М., 1993. С. 474), появились в XIX веке.

Интересно, что первым из них и задолго до этого русский язык воспринял не мотивирующую все другие *лексику*, как можно было бы подумать, *лексикон*. Это слово, как сообщает Р.М. Цейтлин в энциклопедии "Русский язык" (М., 1979. С. 128), известно у нас с XIII века! Первый в России словарь (а слова *словарь* тогда не еще знали) под названием "**Лексикон славеноросский и имен толкование**" выпустил Памва Берында в 1627 году. И все словари, вы-

© Т.В. Шмелева, 2000.

шедшие в XVIII веке, именовались лексиконами. В одном из них - это был "Российский Целлариус, или Этимологический российский лексикон" Ф. Гельтергофа - и фиксируется впервые слово *словарь*, которое после выхода в свет "**Словаря Академии Российской**" (1789-1794) становится конкурентом *лексикона*.

Итак, *лексикон* был первым, а уже за ним согласно хронологии П.Я. Черных (она основана на фиксациях словарей) появляются *лексикограф*, *лексикология*, *лексикография*, *лексиколог* с ударением на последнем слоге, *лексический*, *лексика* (1938!). С этим согласуются данные словаря Даля: в статье **лексиконъ** (который толкуется как "словарь, речник, словотолк, словник, словотолковник") приводятся *лексиконный*, *лексический* (в значении "словарный"), *лексикология*, *лексикография*, прилагательные от обоих, *лексикологъ* и *лексикографъ*.

По поводу источника заимствования этих слов русским языком этимологи, как всегда, расходятся во мнениях.

П.Я. Черных допускает, что это позднегреческий, к тому же склоняется и Л. Успенский (Слово о словах. Почему не иначе? Л., 1971. С. 564). К греческому же отсылают и толкования терминов - см. "Грамматический словарь. (Грамматические и лингвистические термины)" Н.Н. Дурново (М., Пг, 1924. С. 56); "Словарь-справочник лингвистических терминов" Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (М., 1976. С. 160-162); энциклопедию "Русский язык" (С.122-128).

М. Фасмер в качестве источников указывает немецкий и латынь (Этимологический словарь русского языка. Т.Н. М., 1986. С. 478). Латынь фигурирует в качестве источника и в "Словаре-попутчике. Малом толково-этимологическом словаре иностранных слов" (М., 1994. С. 194).

Из "Краткого этимологического словаря русского языка" Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской (М., 1971. С. 237) можно понять, что все слова с корнем *лекс-* заимствованы в XIX веке из французского.

Вопрос об определении конкретного источника в этом случае, наверное, и не разрешим, поскольку слово *лексикон* входило в общий европейский культурный обиход, в котором царствовала, как мы знаем, научная латынь. Об этом говорят данные и названных словарей, и книги польского лингвиста Витольда Дорошевского, переведенной на русский язык под названием "Элементы лексикологии и семиотики" и изданной в серии "Языковеды мира" издательством "Прогресс" в 1973 году. Анализируя термины, этимологически связанные с греческим корнем "лексис", В. Дорошевский отмечает, что *лексикон* появляется в польском языке сначала в значении "словарь, особенно греческий, а также еврейский или арабский" (Дорошевский В.М., 1973. С. 25,33) или преимущественно энциклопедический (Там же С. 29), а затем используется наряду с польскими *siownik*, *mownik*, *dykcjonariusz* для обозначения словарей разного типа.

Возвращаясь в пределы русской культуры и русского языка, проследим судьбу слова *лексикон*.

В греческом языке, как уверяют разные словари, оно было прилагательным от *lexis* (*слово*) в выражении *lexicon biblion*, что буквально означает "словарная/лексическая книга" (Словарь-попутчик. С. 104). Значит, оно субстантивировалось "по дороге" в другие языки (уже в латынь?) и стало означать определенный книжный жанр - лингвистическое или энциклопедическое описание. Таким и воспринял его русский язык.

Интересно, что в XVIII веке допускались варианты *лексикон/лексик*: у Феофана Прокоповича в стихотворении "**К сложению лексикон**" есть фраза "*Пусть лексики делает: то одно довлеет*" (Черных. С. 474). Но это только эпизод в истории слова, теперь забытый.

Важнейшие же события этой истории таковы.

В конце XVIII века лексикон вступает в отношения конкуренции с собственно русским *словарем* и - проигрывает. Но не исчезает из языка, поскольку в первой половине XIX века у него развивается метонимическое значение "запас, инвентарь слов" (Словарь-попутчик. С. 104). Оно получает широкое распространение, в словарях XX века первое значение слова *лексикон* либо не фиксируется вовсе, либо дается с пометой "устар." - см. "Словарь русского языка" С.И. Ожегова (М, 1972. С. 204); "Толковый словарь русского языка" С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1992 .С. 331); "Современный словарь иностранных слов" (М., 1993. С. 337). Показательно, что слово *лексикон* помещено в словаре В.И. Макарова и Н.П. Матвеевой "От Ромула до наших дней..." (Словарь лексических трудностей художественной литературы. М., 1993) и иллюстрируется примерами из Л. Толстого, Н. Чернышевского, А. Гончарова (Там же.С.158).

Во втором своем значении - инвентарном - слово принадлежность прежде всего филологической терминологии: его можно встретить в названиях книг и диссертаций, напр.: *Залевская А.А. Проблемы организации внутреннего лексикона человека* (Калинин, 1977) или *Чулкина Н.Л. Модель лексикона носителя русского языка как способ представления лексической системы* (КД.М., 1986).

Вместе с тем его активно используют образованные люди. Примерами такого употребления можно было бы заполнить немало страниц, приведу только два, достаточно, на мой взгляд, показательных. Первый из журналистского текста: *Слова "haute couture " и "pret-a-porte " прочно вошли в наш лексикон* (Фоминова Г. // Литературная газета. 1998. № 52.); второй из письма читателя - Георгий Кузнецов из Казани в своей реплике в дискуссии "Известий" об интеллигенции (08.08.2000) замечает: *Ежедневно общаясь с людьми, чей лексикон и интонации напоминают в лучшем случае горьковских босяков, интеллигент постепенно сам перенимает их манеры.*

Казалось бы, в этом и заключается линия судьбы этого слова: придя в русский язык в одном значении, оно остается в другом. Однако в последнее время первое - жанровое - значение слова *лексикон* начинает возвращаться, можно даже сказать, оно вновь становится модным; так, среди книг массовой литературы можно встретить "Лексикон заблуждений", а в московском издательстве "Новое литературное обозрение" в 1999 году вышла монография известного музыковеда и культуролога Татьяны Чередниченко "Россия 1990-х в слоганах, рейтингах, имиджах. *Актуальный лексикон* истории культуры".

Для наших же рассуждений важно и еще одно обстоятельство: его (лексикона) присутствие в русской лингвистической терминологии дало основания для существования целого ряда терминов аналогичной морфемной и смысловой структуры.

Первым из них должен быть назван **ономастикон**.

В "Словаре русской ономастической терминологии" Н.В. Подольской (М., 1988. 2-е изд.) этот термин приводится в двух значениях: 1) Словарь или список имен собственных и 2) Репертуар имен собственных (С. 98). Здесь же сообщается о греческом происхождении термина, о его первоначальном значении "(по)предметный словарь" в отличие от алфавитного - лексикона (!).

Переосмысленный ономастически, он хорошо известен тем, кто посвящен в проблемы этой науки и знаком с ее литературой. Достаточно вспомнить, что он встречается в названии знаменитой работы С.Б. Веселовского "Ономастикой" (М., 1974) и ряде других - например, Короткова Т.А. "Суффикс -ск- в ономастиконе Среднего Урала" (Ономастика. Типология. Стратиграфия. М., 1988).

В библиографии коллективной монографии "Теория и методика ономастических исследований" (М., 1986) указана работа, изданная в Риме в 1915 году - Caetani L., Gabrieli G. "**Onomasticon arabicum**" и статья П. Зволинского "Место зоонимов в **ономастиконе**" (Namen in Kontakt. Bern., 1975), что говорит об интернациональном характере этого термина, во всяком случае в рамках ономастики.

На страницах названной коллективной монографии он используется весьма активно - в обоих значениях, в формах как единственного, так и множественного числа: *ономастиконы* М.Я. Морозкина и М.И. Тупикова (речь идет о книгах, в названиях которых фигурируют жанровые определения "именослов" и "словарь имен" - Там же. С. 8, 243, 241), *различные ономастиконы* с пояснением "справочники личных имен, прозвищ, фамилий, топонимические списки и словари" (Там же. С. 200), *ономастикой народа* и *национальные ономастиконы* (Там же. С. 141, 176, 179, 201, 202, 212), *ономастикой художественного произведения* (Там же. С. 121).

Благодаря этому последнему значению термином пользуются не только лингвисты, но и исследователи поэтики, см. например, работу В.А. Сапогова

и Т.Н. Кабинетской "Заметки о северянинском ономастиконе" (Традиции в контексте русской культуры: Материалы к науч. конф. Череповец, 1992. С. 91-94; Список трудов В. А. Сапогова // Новое литературное обозрение. 1997. №24. С. 119). Это говорит о том, что мы имеем дело с термином, являющимся достоянием филологии в целом.

О том, что сферу его употребления можно видеть и более широкой, говорит, например тот факт, что попытка использовать его на газетной полосе не вызвала сопротивления журналистов, и статья "Ономастикой" появилась в специальном "нулевом" номере красноярской газеты "Городские новости" (1994.22 окт.).

Вместе с тем нет оснований утверждать, что этот термин относится к общепринятым, распространенным и обязательным терминам современной лингвистики. Он отсутствует в "Словаре-справочнике лингвистических терминов" Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой (М, 1976. 2-е изд.). Но дело даже не в этом. Дело в том, что в системе ономастической терминологии ономастикон почти обречен на факультативность, поскольку в своем значении "состав имен собственных" оказывается в синонимическом (или вариантном?) ряду *онимы*, *онимия* и даже *ономастика*, который не последовательно и, можно сказать, редко, но все же употребляется не только в значении "наука", но и "совокупность имен собственных", как указывается в упомянутом словаре Д.Э. Розенталя и М.А.Теленковой (Там же. С.243).

Достаточно очевидно, что "конкуренты" (или дублеры?) *ономастикона* более просты по форме и ничем не уступают ему по содержанию. Понятно, что такая вариантность весьма нежелательна для терминологии. Но из этого не хочется делать вывод об избыточности *ономастикона*, а значит, его ненужности. Вот какие аргументы можно привести "в защиту" ономастикона.

Прежде всего, вариантность терминов не означает смертельного приговора одному из членов ряда, сосуществование терминов-дублетов не новость в лингвистической терминологии, достаточно вспомнить ряды *имя собственное - оним - проприатив*, *имя существительное - субстантив*, *фразеология - идиоматика*, *словообразование - дериватология* и десятки других.

В анализируемом терминологическом гнезде можно увидеть основания для упорядочивания, а значит, устранения вариантности/дублетности.

- оним/онимы - имя/имена собственные;
- онимия - совокупность имен собственных;
- ономастикон - описание / словарь имен собственных;
- ономастика наука об именах собственных.

В таком легко, казалось бы, поддающемся упорядочиванию гнезде тем не менее заложены возможности для многозначности, поддерживаемой аналогичными отношениями в лексике и терминологии - разной степени регулярности.

Так, понятно, что первый из терминов в форме множественного числа и второй соотносятся как плюральная и собирательная форма субстантива, ср.: *комары - комарье, старики - старичье, хулиганы - хулиганье, учителя - учительство, профессора профессура*. Это достаточно регулярное лексико-грамматическое соответствие, и искать пути его устранения было бы странно.

Регулярна для терминологии многозначность "языковое явление - его описание - наука о нем", поэтому не удивительно, что ономастиком называют и совокупность имен собственных и их описание в виде словаря или списка, ср. значения слова *грамматика*, совмещающее все три значения.

Итак, для термина *ономастикон* мы не обнаруживаем жесткой номинативной необходимости (действительно, можно обойтись и без него, странно было бы спорить), но его право на существование можно обсуждать, имея в виду два обстоятельства: терминологический узус и системные отношения терминов.

Относительно узуса можно сказать, что, хотя термин ономастикон не имеет многолетней и мощной традиции, он явно вызывает симпатии лингвистов. Сама я в такой симпатии сознаюсь: кроме газетной статьи, о которой уже упоминала, использована его в названиях тезисов *Ономастикон современного города (Международный съезд русистов: Тезисы докл. Красноярск, 1998. С. 147-148)* и статьи *Новгородский ономастикон* (в печати). Мне кажется, что, обсуждая проблемы терминологии, нельзя не учитывать такой фактор, как языковой вквс лингвистов.

Что же касается системных отношений терминов, то они тоже, на мой взгляд, складываются в пользу *ономастикона*. Это проявляется прежде всего в том, что возникают новые термины, составляющие парадигматический ряд терминов на *-икон*.

Материалы для такого утверждения дает в первую очередь ономастика. В уже названном словаре Н.В. Подольской дается ряд терминов, построенных по модели *ономастикона*, но в отличие от него не древнегреческого происхождения, а представляющие собой продукт терминовтворчества ономастов:

- антропонимикон (С. 33), зоонимикон (С. 60),
- ойконимикон (С. 90), оронимикон (С. 100),
- топонимикон (С. 132-133).

Каждый из них стоит в ряду, аналогичном тому, который мы только что рассмотрели для *ономастикона*, см. напр.: *антропоним - антропонимия ~ антропонимика - антропонимикон*. Правда, толкования терминов на *-икон* не столь последовательны, как могло бы показаться, учитывая их морфемную структуру. Так, если для *антропонимикона* и *топонимикона* даются два значения, как и для ономастикона (1-е - словарь, 2-е - репертуар имен), то для остальных - только одно - словарь (список). Интересно при этом, что все термины на *-ия* толкуются при помощи слова *совокупность*. Остается счи-

тать, что отличие совокупности от репертуара и есть специфика терминов на *-икон*.

Реальное употребление этих терминов вряд ли подтвердит такое предположение, см. напр., работу Н.В. Подольской "**Антропомикон берестяных грамот**" (Восточно-славянская ономастика. Исследования и материалы. М., 1979) и иллюстрацию к термину *антропонимия*. в ее терминологическом словаре - *антропонимия берестяных грамот* (Там же. С. 34), а также работы: Зинин СИ "Русская антропонимия XVII - XVIII вв". (Кандидатская диссертация. Ташкент, 1969); Карпенко М.В. "Русская **антропонимия**" (Конспект лекций. Одесса, 1970); Калауцкая Л.П. "Словоизменение **антропонимии** в русском литературном языке" (М, 1982).

Наверное, можно сказать, что "антропонимическое гнездо" самое частотное, как наиболее актуальны и интересны нам имена человека. Тем не менее используются в названиях ономастических работ и другие термины рассматриваемого ряда; см. напр.: Рипецкая О.Ф. "О методике и результатах синхронического изучения славянских реликтов в **ойконимиконе** ГДР" (Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980).

Таким образом, и терминологический узус ономастики и системный потенциал говорят в пользу терминов на *-икон*.

Факты в их поддержку обнаруживаются и вне ономастики.

Излагая свое понимание феномена "языковая личность", Ю.Н. Караулов в книге "Русский язык и языковая личность" (М., 1987) предлагает исследовать ее и описывать, используя термины *лексикон*, а также **грамматикон**, **прагматикон** и **семантикон**, чему он посвящает специальное терминологическое отступление (Там же. С. 89-90). Отмечая, что все три предлагаемых термина построены по аналогии с лексиконом, он дает такое их толкование: грамматикон предлагает понимать как фонд грамматических средств, используемых личностью при порождении им достаточно представительного массива текстов (Там же. С. 87); прагматикон - как круг "коммуникативно-деятельностных потребностей личности, движущие его мотивы, установки и цели", проявляющиеся в конкретных речевых актах (Там же. С. 87); семантикон - как система представлений о мире. Сомнительность последнего термина видится автору этих предложений в том, что семантикон, или тезаурус личности, "растворен" в его лексиконе и потому не "заслуживает" собственного термина, то же, впрочем, можно сказать и о грамматиконе (Там же. С. 90). Далее в своей книге Ю.Н. Караулов активно использует все три термина, демонстрируя тем самым их "рабочие возможности".

Это предложение кажется мне очень интересным, и даже удивительно, что оно "не подхвачено" лингвистами, хотя и нельзя сказать, что совершенно не услышано, см. например, тезисы Т.В. Матвеевой "Авторская индивидуальность в научном тексте" в материалах конференции "Стилистика и прагматика" (Пермь, 1997.С. 19).

Заслуживает внимания одна особенность употребления термина *лексикон* Ю.Н. Карауловым. Наряду с каноническим вариантом он использует его дериват с корнем (или радикасоидом? или префиксом?) *идио-*, понимание которого не вызывает ни малейших трудностей при воспоминании термина *идиолект* и подтверждается справкой в "Лингвистическом энциклопедическом словаре" (М., 1990. С. 171), а также в самом тексте книги, где он оказывается в отношениях синонимии с аналитическими выражениями *лексикон человека индивидуальный лексикон* (Там же С. 26, 101, 103).

Следуя этой логике, есть общий лексикон всего языкового коллектива с его исторической памятью и его индивидуальные "редакции" в сознании и практике конкретных личностей, то есть *идиолексиконы*, поэтому приходится заключить, что дериваты с *идио-* должны быть у всех рассмотренных здесь терминов, ведь каждый из них существует в сознании коллектива в целом, собирательно и в сознании отдельных личностей. Эта идея очень естественно воспринимается и с позиций исследователей поэтики, и с позиций лингводидактики, хотя мне не известны факты использования в этих областях терминов **идиограмматикон*, **идиопрагматикон*, **идиосемантикон*, а также **идиономастикон* и все более "узкие" *-иконы* ономастики. Все эти дериваты мы должны записать под знаком * - как возможные (потенциальные термины?), но реально не зафиксированные.

Не зафиксированным, но естественным и даже необходимым в связи с формированием морфемики как самостоятельной грамматической дисциплины представляется мне термин **морфикон** (или морфемикон?) в значении 'состав/совокупность морфов/морфем данного языка'. Его необходимость ощущается, когда начинаешь обсуждать вопросы о соотношении лексикона и морфикона, о пополнении морфикона и его утратах, о перераспределении центров продуктивности внутри морфикона, его специфической части и общей для двух или ряда языков. Можно говорить и о том, что в составе морфикона есть в разные периоды свои "любимчики", есть (подобно ключевым словам текущего момента) и ключевые морфемы (сейчас к таким можно отнести суффикс *-изация* и приставку *де-*).

Конечно, обо всем этом можно говорить и без предлагаемого терминологического плюрализма *морфемы* или *морфы*, используя выражения *состав* и *совокупность морфем*, *морфемный фонд*, но симметричность терминов - *лексикон/морфикон* - как бы подчеркивает симметричность, изоморфность языкового устройства на разных уровнях. И этот представляется не пустяком для дисциплины научной мысли и способов ее языкового воплощения.

Используя этот не "освященный узусом" термин, можно утверждать, что наряду с общеязыковым морфиконом существуют и специфические, откуда черпаются ресурсы для обновления специальных пластов лексики. Так, есть все основания говорить об особом **терминологическом морфиконе лингвистики** со своим составом формантов типа *-логия*, *-ведение*, *-истика*, *-ема*.

Рассмотренные здесь факты приводят к выводу о том, что появился новый претендент на статус такого форманта - **(ик)он**, значение которого можно истолковать как "собрание того, что названо корнем". Кроме всех терминов, о которых шла речь, подводит к такому заключению и термин, который встречается на страницах материалов конференции русистов в польском городе Щецине, - **афористикон**. Вопросы о его значении не возникают: он обозначает состав афоризмов, крылатых слов.

Рассматривая вопрос о соотношении этой морфемы с научным лексиконом, можно отметить, что она оказывается синонимом (?) такого ряда слов, как *состав, совокупность, запас, корпус, фонд, банк*, с разной степенью регулярности используемых в терминологических сочетаниях типа *словарный запас, фразеологический фонд, корпус паремий* и т.п..

Будущее покажет, появятся ли новые терминологические образования с этим формантом, а значит, и насколько жизненна эта терминологическая модель. Сегодня же эта часть терминологического лексикона лингвистики может выглядеть так:

антропомикон - афористикон - грамматикон - идиолексикон - зоонимикон - лексикон - морфикон - ойконимикон - ономастикон - оронимикон - прагматикон - семантикон - топонимикон.

Список, разумеется, не закрыт, в него, как уже было сказано, может быть введен параллельный ряд дериватов с *идио-*. Но важнее другое: обсуждение этого терминологического гнезда позволяет подумать не только над родословной терминов, что само по себе интересно, но и над некоторыми аспектами лингвистической, а может быть и шире - гуманитарной мысли, как она проявляется в терминотворчестве.

Так могут выглядеть результаты объявленного расследования "лексикон и другие". Эти "другие" оказываются: 1) соседями по гнезду с корнем *лекс-*; 2) конкурентами - русскими словами с корнем *слов-*; 3) формально мотивированными терминами филологии. Как мы видим, связи слова *лексикон* оказываются довольно обширными и небезразличными для семантики и судьбы.